

Часть 2. Московская лексико-типологическая группа

Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова
(Москва)

О РАБОТЕ МОСКОВСКОЙ ЛЕКСИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ¹³ (стенограмма доклада)

Московская лексико-типологическая группа была образована в 2010 году участниками лексико-типологических семинаров Е.В. Рахилиной в МГУ и РГГУ и лексико-типологических проектов, связанных с изучением принципов организации лексических полей в языках мира (ср. проект по изучению глаголов плавания Майсак, Рахилина (ред.) 2007 и глаголов, метафорически обозначающих боль, Брицын и др. (ред.) 2009). Работа группы опирается на некоторые общие принципы, которые можно было бы, обобщив, назвать своего рода манифестом. Этот манифест мы здесь и провозгласим.

Долгие годы основным объектом лингвистической типологии оставалась грамматика. С интуитивной точки зрения это вполне закономерно. Если обычные носители языка сталкиваются с проблемами языкового устройства, то чаще всего это происходит в процессе изучения иностранных языков. И когда обычные люди, не лингвисты, говорят, что тот или иной язык является сложным, то они не имеют в виду, что в нем особенно трудные слова — они говорят о том, что в нем много падежей или каким-то непривычным образом спрягаются глаголы. Вместе с тем и в

¹³ Настоящая работа выполнена в рамках проекта РФФИ N. 09-06-00364-а (рук. А. Костыркин).

лингвистике именно грамматика – как наиболее «доступная» и «наблюдаемая» языковая субстанция – была традиционным «центром внимания» типологии. Благодаря бурному развитию этого направления исследований в последние десятилетия, к настоящему времени довольно хорошо известен список типологически релевантных грамматических категорий, и даже можно считать, что в определенной степени описано и их наполнение.

Следующая задача, которую разумно было бы поставить в рамках лингвистической типологии, – это изучение взаимодействия грамматических категорий с лексическими классами. Хорошо известно, что одна и та же граммема, сочетаясь с лексемами разной семантики, может получать разное значение. Тем самым, чтобы адекватно описать семантику грамматических категорий, необходимо проследить, какие эффекты возникают в результате такого взаимодействия в разных языках. Но чтобы изучать эти эффекты, необходимо знать семантику лексики: какие семантические классы релевантны для функционирования языка, какие списки лексем относятся к тому или иному классу в каждом языке, нужны сопоставимые классификации лексики для разных языков и т.д., – а эта область исследований развита пока в очень малой степени. Конечно, есть и некоторые существенные «прорывы», как, например, у Л. Талми – в изучении способов движения (см. Talmy 1975, 1985), но такие работы апеллируют, как правило, к более крупным классам лексики. Более тонкие различия по-прежнему остаются неописанными.

Возвращаясь к интуитивной точке зрения, заметим, что и обычный носитель языка в речевом потоке сталкивается именно со **словами**. Тем самым и в интересах не-лингвистов

важно не ограничивать типологические исследования грамматикой, а сопоставлять лексику разных языков.

Отсюда вытекает первый – довольно очевидный – тезис манифеста.

МАНИФЕСТ: ТЕЗИС 1

НЕОБХОДИМА ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ.

Почему же до сих пор лексическая типология развивалась так слабо? Это довольно понятно. Лексика плохо поддается непосредственному лингвистическому наблюдению. Каждая отдельная лексема встречается довольно редко, тем самым без специальных исследовательских инструментов трудно было выявлять закономерности ее употребления в тексте, и отсюда неизбежно возникала иллюзия того, что лексика бессистемна.

Но в последнее время у нас появился мощный инструмент как раз для обнаружения системных связей на лексическом уровне – корпуса. Благодаря корпусам появилась возможность работать с огромным количеством материала, анализировать значительное число употреблений слов в тексте, а это, в свою очередь, открыло новые перспективы и в сфере лексической типологии.

Нельзя сказать, что до появления корпусов лексической типологии вообще не было. Она была, но строилась на основе словарей. Однако исследования, которые проводились на базе словарей, касались, в первую очередь, сопоставления языков в целом по лексикологическим параметрам, в том числе, лексике давались различные количественные оценки. К этому направлению примыкают, например, работы Э. Сепира и В.Г. Гака, и эта же проблематика, кстати, сегодня в центре внимания Воронежской группы типологов.

С появлением корпусов лексическая типология смогла поставить перед собой исследовательские задачи принципиально иного рода: теперь стало возможным сопоставление отдельных зон лексики по семантическим параметрам.

В принципе, и эти задачи не являются новыми для лингвистики: группы лексики сопоставлялись и в докорпусную эпоху, однако такого рода анализ проводился только в контрастивных исследованиях. Между тем, подобные исследования вынужденно носили фрагментарный характер, вычлняя из общего поля отдельные лексические единицы и противопоставляя их друг другу по возможности / невозможности употребления в случайно выбранном контексте. Именно из-за своей фрагментарности, а значит, непоследовательности, они не могло служить основой для дальнейшего системного обследования данного лексического класса по другим языкам.

МАНИФЕСТ: ТЕЗИС 2

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСИКИ ДОЛЖНО СТРОИТЬСЯ НА ЕДИНОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЕ.

Только при едином, универсальном подходе становится возможным создание сопоставимых, типологически-ориентированных описаний. Что же должно служить основой для построения таких описаний? В мировой практике лексико-типологических исследований выделяется несколько направлений, предлагающих разные методологические базы для сравнительного описания лексики.

Одно из них восходит к хорошо известным типологическим экспериментам по описанию цветов — прежде всего, к классической работе Berlin, Kay 1969. Б. Берлин, П. Кей и их

многочисленные последователи по всему миру сравнивали цвета на основании цветowych табличек: информанту предлагалась табличка с просьбой назвать тот цвет, которому она соответствует. Сейчас традицию лексико-типологического анализа, опирающегося на чувственно воспринимаемые образы, развивают исследователи Психолингвистического отделения Института им. Макса Планка (Неймеген, Нидерланды). Именно таким образом они подходят к описанию самых разных групп лексики, например, запахов или вкусов: информанту дается конкретный (и стандартный) образец запаха / вкуса (заготовленный заранее в баночке, коробочке и под.) – и записывается его «вербальная реакция» – слово, называющее, с его точки зрения, данный признак. По той же методике описывается и глагольная лексика, например, глаголы разрушения: информанту предлагается просмотреть видеоклип, на котором показывается тот или иной тип разрушения, а он должен описать, что он видит на картинке, назвав эту ситуацию некоторым глаголом (см. Majid, Bowerman (eds.) 2007).

Очень глубокая критика такого подхода в свое время – в связи с цветообозначениями – была сформулирована А. Вежбицкой (Wierzbicka 1990). Исследования самой А. Вежбицкой и К. Годдарда представляют другое направление лексико-типологических исследований: работы их школы опираются в основном на интроспекцию. Интроспекция А. Вежбицкой, конечно, очень тонкая, но в общем случае использование интроспекции как универсальной базы для построения лексической типологии, как кажется, может дать не очень надежные результаты. Отметим вместе с тем, что А. Вежбицкой принадлежит идея, которая представляется нам чрезвычайно важной для

обсуждаемых здесь задач, – о необходимости изучения лексики в ее «лингвистическом поведении», т.е. того, как ведет себя то или иное слово в тексте (какова его сочетаемость, связанные с ним конструкции и под.).

Именно на сочетаемостное поведение лексем как основу для их сопоставительного анализа и предлагает опираться Московская лексико-типологическая группа. На базе лингвистического поведения лексем устанавливаются фреймы, которые релевантны для изучаемой группы лексики. Так создается основа для типологического описания конкретного слова, его фрейма, и в целом данной семантической области. Выбирая такую методологическую базу для построения лексической типологии, мы, что называется, существуем не в «безвоздушном пространстве» – среди близких нам подходов отметим, прежде всего, опыт Ч. Филлмора (Fillmore, Atkins 2000) и М. Копчевской-Тамм (ср. Копчевская-Тамм, Рахилина 1999), а также исследование Haspelmath, Buchholz 1998, посвященное типологическому анализу сравнительных конструкций.

Понятно, что для выявления фреймов лучше работать не с одним и не с двумя языками, но преимущество фреймового подхода заключается в том, что и на материале одного языка эта задача осмысленна: полученная информация может служить основой для последующего типологического сопоставления. Так, в свое время мы анализировали прилагательное *широкий* в русском языке. Известно, что *широкими* в русском могут быть не только *доски* и *книги*, но и предметы совершенно другой топологической природы – *канаты*, *веревки* и т.д., а также *слои*. И по-русски для нас как носителей языка эти топологические типы не противопоставляются – они кодируются одной и той же признаковой лексемой *толстый*, которая совмещает

перечисленные фреймы: *толстый слой снега, толстая книга, толстый канат*. Но, выявив эти фреймы, мы предположили, что для другого языка это противопоставление может быть релевантным. Так и оказалось: мы обнаружили, что, в частности, в китайском значение ‘широкий’ применительно к сущностям разных топологических типов выражается разными лексемами. Тем самым, фреймовый подход позволил на базе одного языка предсказать семантический параметр, по которому противопоставляются лексемы другого языка.

С расширением языковой выборки происходит увеличение числа фреймов, релевантных для исследуемой семантической области. Существенно, однако, что, по нашему опыту, после изучения 9-10 языков вероятность того, что в центральной зоне этой области обнаружится принципиально новый семантический параметр, чрезвычайно низка. Это говорит о когнитивной общности устройства разных языков как языков человеческих, и чрезвычайно важно для лингвистики.

Важно и другое. Фактически при таком подходе мы занимаемся анализом квазисинонимов – и в этом смысле мы опираемся на опыт Московской семантической школы, созданной И.А. Мельчуком и Ю.Д. Апресяном. Можно считать (конечно, с большой степенью условности), что, вслед за Ю.Д. Апресяном, мы создаем своего рода типологический словарь синонимов – отслеживая принципы его организации. Причем, если типологи-грамматисты настаивают на том, чтобы в выборку попадали только языки разных групп, а лучше семей, исторически не связанных друг с другом или очень давно и далеко разошедшихся, то в лексической типологии мы можем работать и с родственными, и даже с близкородственными языками.

МАНИФЕСТ: ТЕЗИС 3

В ОТЛИЧИЕ ОТ ФОНЕТИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ, В ВЫБОРКУ МОГУТ ВКЛЮЧАТЬСЯ РОДСТВЕННЫЕ И ДАЖЕ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ.

Такое отличие лексической типологии от грамматической объясняется очень просто: грамматика изменяется медленно, а лексика – очень быстро. И в результате когнаты, развившие разные значения, оказываются наиболее богатным материалом для типологического исследования. Именно на близкородственных языках мы проводили первые опыты построения типологических описаний, ср.:

1. Прилагательные размера и цвета в русском и польском (проект под рук. проф. Р. Гжегорчиковой).
2. Глаголы вращения (Рахилина, Прокофьева 2004).
3. Глаголы колебательного движения в русском и польском (Рахилина, Прокофьева 2005).

Начатые тогда исследования получили в настоящее время развитие на более широком типологическом материале. Некоторые из них, мы надеемся, будут представлены в виде баз данных в Интернете: прилагательные формы, размера и других физических признаков, температурные прилагательные, глаголы вращения, звука и др.

Два проекта осуществлены в виде книг: во-первых, исследование, посвященное глаголам движения в воде, в котором соответствующие предикаты изучались на материале 50 языков (Майсак, Рахилина (ред.) 2007); во-вторых, проект по предикатам боли, охвативший на момент издания сборника свыше 20 языков (Брицын и др. (ред.) 2009). Если плавание образует довольно компактную семантическую зону, то болевые предикаты, как оказалось, представляют настолько обширный и разноаспектный

материал, что работа над проектом была продолжена и после публикации сборника. В настоящее время мы создаем базу данных, которая призвана отразить и обобщить весь накопленный материал по болевым предикатам в языках мира.

Говоря о глаголах боли, мы можем еще раз вернуться к проблеме выбора методологической базы для лексико-типологических исследований. Дело в том, что только отстаиваемый здесь фреймовый подход применим к анализу болевых предикатов. Действительно, боль нельзя изучать с помощью психолингвистического эксперимента (ср. эксперимент с цветовыми табличками или видеоклипами), ведь боль – это внутренне, ненаблюдаемое переживание, ее нельзя визуализировать посредством рисунков или клипов. Но и интроспекция не может быть основой типологического анализа болевых предикатов, поскольку боль – это еще и субъективное, индивидуальное ощущение, что на языковом уровне проявляется в значительном идиолектном различии ее лексического выражения. Тем самым для проведения объективного типологического исследования необходимо сначала собрать данные от разных информантов – носителей одного языка, вычленив из этих данных идиолектные и надидиолектные черты и лишь затем приступить к сопоставлению.

Итак, исходя из всего вышесказанного, мы можем сформулировать тезис о методологической базе лексико-типологических исследований.

МАНИФЕСТ: ТЕЗИС 4

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ДОЛЖЕН СТРОИТЬСЯ НА БАЗЕ ИЗУЧЕНИЯ ФРЕЙМОВ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, И ВКЛЮЧАТЬ КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выполняемые таким образом лексико-типологические исследования должны решать, с нашей точки зрения, следующие задачи:

1. Выявление универсального набора фреймов для каждой зоны (А).
2. Изучение возможностей их совмещения в одной лексеме (В).
3. Классификация лексических систем по степени разработанности каждой семантической зоны (С).
4. Классификация фреймов по степени распространенности языков, их реализующих (D).

Кратко проиллюстрируем каждую из этих задач на материале отдельных семантических полей.

А. Для глаголов движения в воде было выделено 4 основных фрейма, которые мы условно обозначаем соответствующими английскими лексемами: зона SWIM обозначает активное движение в воде человека или животного; SAIL – движение судов и людей на судах; DRIFT – движение неодушевленных объектов по течению; FLOAT – нахождение неодушевленных объектов на поверхности. Исследуя способы лексического выражения этих фреймов, мы обращаемся к решению второй задачи – к изучению возможностей совмещения фреймов.

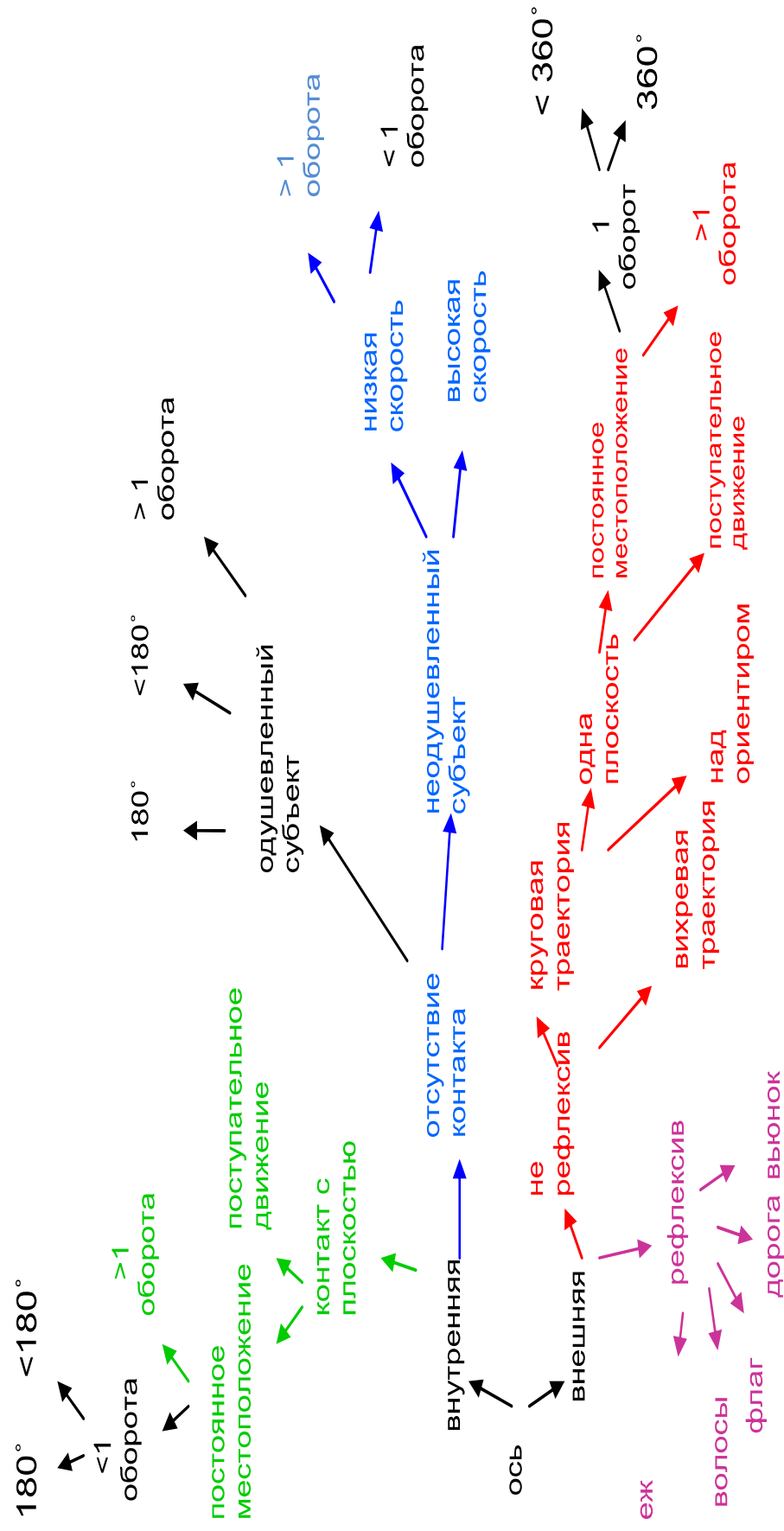
В. Рассмотрим проблему возможных комбинаций опять на материале глаголов движения в воде. Как видно из самих наименований фреймов, английский язык хорошо противопоставляет все четыре вида плавания. Однако такая стратегия отнюдь не универсальна. Некоторые языки, например, объединяют зоны SWIM, DRIFT и FLOAT в одной лексеме, некоторые – зоны SWIM, DRIFT и SAIL и т.д.

Важно, что наш анализ позволяет не только описывать встретившиеся комбинации значений, но и предсказывать, какие варианты совмещения фреймов невозможны в естественном языке. Действительно, если та или иная комбинация не засвидетельствована на материале 50 языков, между тем как другие типы совмещений по данным этих языков неоднократно повторяются, то с определенной долей уверенности можно считать, что не встретившаяся нам комбинация маловероятна и для языков, не вошедших в нашу выборку.

Примечательно, что изучение принципов совмещения фреймов сближает лексическую типологию с грамматической. В самом деле, в задачи грамматической типологии входит выявление грамматических значений, которые могут склеиваться в одной граммеме, и таких, которые никогда не совмещаются. Лексическая типология здесь решает практически те же задачи, только на словарном материале.

В случае сложно организованных семантических полей удобным инструментом для отражения возможных комбинаций фреймов является семантическая карта. На такой карте близкие узлы соответствуют когнитивно близким фреймам. На Рис. 1 представлена карта значений, которые выражаются в языках мира глаголами вращения (см. Круглякова 2010). В ее узлах располагаются выделенные в процессе обследования языков фреймы кругового движения. Приведенная карта образует базовый каркас, на который затем наносятся данные отдельных языков. Так, закрашивая участок карты, который соответствует значениям, выражаемым той или иной лексемой в некотором языке, мы тем самым наглядно отображаем возможности комбинаций фреймов.

РИС. 1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАРТА ГЛАГОЛОВ ВРАЩЕНИЯ

С. Следующая задача типологического анализа семантического поля состоит в том, чтобы построить классификацию обнаруженных лексических систем. В зависимости от количества лексических единиц, покрывающих то или иное поле, мы делим системы языкового выражения данного поля на бедные и богатые. Если некоторый язык характеризуется небольшим числом лексем в изучаемой семантической зоне, мы говорим о бедной системе, если язык, напротив, проводит разнообразные противопоставления в данной области, мы называем систему этого языка богатой. Важно, что мы можем предсказывать, как должна быть устроена бедная или богатая система в рассматриваемой семантической зоне; например, в случае бедной системы, то есть системы, проводящей мало границ внутри семантического поля, нам известно, где именно должны пройти эти границы. Здесь данная проблематика оказывается тесно связанной со следующей задачей — классификацией фреймов.

Д. Действительно, бедная система выделяет отдельной лексемой такие фреймы, которые являются высокорелевантными для концептуализации данной семантической зоны. Напротив, фреймы, типологически редко выражающиеся специальной лексемой, представляют более периферийные для человеческого сознания ситуации. Так, если вернуться к плаванию, в зоне SAIL языки гораздо реже используют отдельную лексему, чем в зоне SWIM: понятно, что движение человека в воде представляет более когнитивно выделенную идею, чем перемещение судов и даже человека на судне.

Таковыми мы видим основные задачи лексико-типологических исследований, посвященных сопоставительному анализу семантических полей разных языков. Особое направление такого рода исследований связано с привлечением диахронической составляющей, т. е. с типологическим изучением принципов изменения семантики лексики. И в этой области наши

методологические установки снова обнаруживают некоторое преимущество перед другими подходами.

МАНИФЕСТ: ТЕЗИС 5

ТОЛЬКО СОЧЕТАЕМОСТНЫЙ ПОДХОД ПОЗВОЛЯЕТ ТИПОЛОГИЧЕСКИ ИЗУЧАТЬ ПРИНЦИПЫ ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТРУКЦИЙ

Действительно, изменения значений **слов** можно изучать и по материалам словарей (ср. проект под руководством Анны А. Зализняк, посвященный составлению базы данных по семантическим переходам в языках мира, см. Зализняк 2001).

А вот в проекте, посвященном боли, мы изучали не только изменение **слов** с течением времени, но и изменения, которые претерпевают **конструкции**, и на этом пути был выявлен целый ряд существенных закономерностей, открыть которые только на словарном материале было бы невозможно. Иными словами, исследование изменений конструкций требует непременно обращения к корпусам и изучения сочетаемостного поведения слова в тексте.

Литература

1. Брицын, В.М., Рахилина, Е.В.; Резникова, Т.И.; Яворская, Г.М. (ред.) 2009. Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев: изд-во Дмитрия Бураго.
2. Зализняк, Анна А. 2001. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания “Каталога семантических переходов” // Вопросы языкознания № 2, 13–25.
3. Копчевская-Тамм, М.; Рахилина, Е.В.. 1999. С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М.: ЯРК.
4. Круглякова, В.А. 2010. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М.

5. Майсак, Т.А.; Рахилина, Е.В. (ред.) 2007. Типология глаголов движения в воде. М.: Индрик.
6. Рахилина, Е.В.; Прокофьева, И.А. 2004. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания, № 1, 60-78.
7. Рахилина, Е.В., Прокофьева И.А. 2005. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В.Н. Топоров (ред.). Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: ЯСК, 304-314.
8. Berlin, B; Kay, P. 1969. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: Univ. of California press.
9. Fillmore, Ch. J.; Atkins, B.T.S. 2000. Describing Polysemy: The Case of 'Crawl' // Y. Ravin, C. Leacock (eds.) Polysemy. Theoretical and computational approaches. Oxford: Oxford University press, 91–110.
10. Haspelmath, M.; Buchholz, O. 1998. Equative and similative constructions in the languages of Europe. // van der Auwera (ed.) Adverbial constructions in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 277-334.
11. Majid, A.; Bowerman, M. (eds.) 2007. Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. Special issue of Cognitive Linguistics, 18 (2).
12. Talmy, L. 1975. Semantics and syntax of motion // J. Kimball (ed.), Syntax and semantics 4. N.Y.: Academic press, 181-238.
13. Talmy, L. 1985. Lexicalization patterns: semantic structures in lexical forms // T. Shopen (ed.), Language typology and syntactic description, v.3. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 57-149.
14. Wierzbicka, A. 1990. Semantics of color terms: cultural and cognitive aspects // Cognitive linguistics, 1 (1).